

жития») и приравняется к «списаниям благородных князей, и благочестивых мужей, и жен, и чистых и добродетельных отроковиц, еже поведения или ж и т и я' их списах в пользу многим». Определяя точнее тему своего рассказа, автор «повествования почитающим» даже и оформил ее в житийном заголовке: «великопрестолнаго и славнаго королевича Бруна, иже паче тленной славы небесную возлюби, сиречь премудрости пожелал, такожде и подобную ему благородием, паче же и мудростию кипящую супругу Мелеонию глаголю: како во едином госпде упованием себе утвердиста, и колико пострадаста, и от искушении яко от огня злато просветистася, зане надежды в бозе не погрешиста». Само изложение начинается так: «В лето от воплощения божия слова осмысленное, индикта первого, во дни Федерика пятого цесаря, во Ишпании велицей бысть чудо велие и преславное...»

Эту основную установку можно проследить на протяжении всего изложения. Королевич Брун — «вымоленное у бога» дитя славных родителей, дарованное им за усердные молитвы, милостыню и благотворительные дела. С самого раннего детства Брун поражает окружающих своей мудростью и разумом «от бога надаренным». Рыцарские его доблести, так усиленно подчеркнутые в повести о Петре Златых Ключах, в нашей редакции заглушены, вероятно, как не отвечающие требованиям христианской морали, а все картины турниров вовсе опущены. Обстоятельства и мотивы его отъезда в чужие края тоже несколько иные. Товарищи стыдят его за то, что он не желает обогатить свою мудростью иные страны: «стыд бо подобовидну тебе мудрым на едином месте себе явити...», «мудрых бо пожитие не себе, но многим. Молим же тя, объяви на крузе земнем своего разума достояние и не прогневи мудрости надарителя всех благих бога, дабы темны гроб тебе не посрамил и не явил тя незнаема и бесплодна суца». Брун, по их совету, оставляет родителей и совершает подвиг смирения, служа при дворе венецианского князя «последним салдатом», «дабы собою всякое обносящееся в нуждах искушение уразумети». «И много бо лет ему себе изнури во служении иным подобовидным себе князем безо всякой гордости». Образ Мелеонии с самого начала стилизован под добродетельную мудрую деву и, так как сперва трудно найти достаточно элементов «святости» в ее поведении (в дальнейшем благотворительная деятельность дает возможность показать ее «во весь рост»), то здесь указывается на беспрестанные молитвы ее к богу, которому она вверяет судьбу своего замужества. Своего будущего жениха Мелеония впервые видит не на турнире, а на празднике, устроенном в ее честь. Красочная фигура мамки Петронилы, двигающая действие в обычном рассказе о Петре Златых Ключах, из этой редакции выпала; ее заменяет отчасти опекун Мелеонии, устраивающий по просьбе последней свидание молодых людей. Далее следуют: традиционный обет целомудрия до свадьбы и тайный отъезд обрученных на родину героя, вызванный отрицательным отношением отца Мелеонии к избранному ею жениху. Мелкая, но, может быть, не случайная подробность: в эпизоде похищения перстней нет ни слова о греховных мыслях героя повести — пропуск, исключаящий соблазнительную картину из жизнеописания добродетельной пары, но наносящий